

Ли Жун взглянул на сообщение, и его губы невольно тронула усмешка.

Результаты распределения только появились, а Чжан Чжаохэ уже назначил ему встречу.

Он давно подозревал, что на факультете биохимии Университета А далеко не всё чисто. Такие, как Лю Таньчжи, скрывались среди рядовых сотрудников, на первый взгляд казались обычными «блатными», пристроенными по знакомству через мужей, а на деле их власть, связи и способности далеко превосходили возможности того же Ли Байшоу.

Перед выходом юноша набрал номер Цэнь Сяо.

— Чжан Чжаохэ хочет меня видеть, — сообщил он. — Не знаю, сколько это займёт, так что завтракать не буду. Занимайся пока своими делами.

На фоне голоса Цэнь Сяо слышался шум — похоже, на факультете экономики и менеджмента проходило какое-то мероприятие на открытом воздухе.

— Помнишь, я говорил тебе? — глухо отозвался Цэнь Сяо. — Отношение Цзян Вэйдэ к Чжан Чжаохэ весьма специфическое. Мой опыт подсказывает... это вряд ли можно считать совпадением.

Он опирался на интуицию, взращённую годами в Третьем районе Ланьшу. В Объединённой торговой палате всё было запутано и иерархично: между гильдиями, отделами, начальниками и подчиненными всегда хватало тёмных пятен. Когда насмотришься на самых разных людей, невольно учишься зреть в самый корень, отсекая шелуху внешних проявлений.

Тот, кто не овладел этим искусством, долго в их мире не задерживался. Цэнь Сяо знал: Ли Жун его поймёт.

— Не волнуйся, — мягко ответил Ли Жун.

Факультет биохимии занимал четыре этажа в физико-химическом корпусе, совсем рядом с естественнонаучной библиотекой.

В этом здании в основном располагались кабинеты администрации, лекторов, кураторов и методистов. У профессоров были отдельные офисные блоки — куда просторнее и в более престижном окружении.

Чжан Чжаохэ, разумеется, не имел права на отдельный кабинет в профессорском крыле. Его рабочее место находилось на третьем этаже основного корпуса — крошечная комнатка в

десять квадратных метров, зажатая в самом углу рядом с бойлерной.

Вероятно, руководство решило уважить его возраст, выделив хотя бы такое, но личное пространство.

Ли Жун вошёл в знакомое здание. Стены были увешаны стендами с биографиями профессоров. Возле лестницы на втором этаже в одном из рядов зияла пустота — новую табличку ещё не успели повесить.

Он был уверен, что именно там раньше висел портрет Сюй Вэя.

После увольнения тот мгновенно канул в небытие. О бывшем профессоре почти не вспоминали, даже с официального сайта университета удалили всю информацию, будто такого человека никогда не существовало.

Кто же мог так напугать Сюй Вэя, что тот даже не попытался сопротивляться, а просто сбежал за границу, не смея вернуться?

Раз беглец выбрал такой путь, значит, он был твёрдо уверен: враг не сможет до него дотянуться, пока он вне страны. Ли Жун не спешил связываться с ним, чтобы не спугнуть змею раньше времени.

Физико-химическому корпусу Университета А было уже несколько десятков лет. Из-за особенностей тогдашней архитектуры коридоры здесь были пугающе тёмными и сырыми. Даже многочисленные косметические ремонты не могли скрыть печать ветхости, наложенную временем.

Ли Жун остановился перед дверью Чжан Чжаохэ и постучал.

Спустя мгновение изнутри донёлся надтреснутый голос:

— Войдите.

Ли Жун толкнул дверь. Чжан Чжаохэ как раз поднял голову от стола.

Он выглядел точно так же, как в день похорон: в простом, неприметном френче «чжуншань» с перьевой ручкой в нагрудном кармане. Ткань костюма от частых стирок заметно села, воротник немного съёжился, но всё равно выглядел безупречно чистым и аккуратно выглаженным.

Глаза старика на исхудалом лице по-прежнему светились живым умом — не заметить их было невозможно. Когда он улыбался, морщины проступали резче, а красное родимое пятно над

бровью кривилось вместе с кожей.

В наше время немногие столь фанатично придерживались ретро-стиля, носили френчи, цепляли ручки на карман и, не будучи хромыми, постоянно держали при себе эту коричнево-чёрную трость. Неудивительно, что студенты не горели желанием идти к нему в группу.

Он казался чудаковатым стариком с какими-то странными, почти религиозными заскоками.

В то же время Чжан Чжаохэ слыл человеком необычайно кротким — вернее сказать, бесхребетным и безвольным. Его помыкали все, кому не лень. Прогульщики, списывальщики и заядлые геймеры его ни в грош не ставили. Они не стеснялись прямо у него на глазах вписывать в листы посещаемости имена своих отсутствующих дружков.

Чжан Чжаохэ лишь обречённо вздыхал:

— Это неправильно, ребята. Пожалуйста, не делайте так больше.

На этом «наказания» заканчивались.

Кабинет был тесным: рабочий стол, большой книжный шкаф, двухместный диванчик и кондиционер. У него не было даже собственного кулера — приходилось ходить за кипятком в общую бойлерную вместе со студентами.

Однако, несмотря на тесноту, всё в комнате было прибрано с маниакальной тщательностью.

На маленьком диванчике лежали подушки, но по краям было заметно, что кожаная обивка под ними идеально ровная, без единой складки. Совершенно не похоже, чтобы на нём часто сидели. Диван стоял здесь скорее для проформы; даже в глубоких стыках спинки не было ни пылинки — редкость для обычного офиса.

Письменный стол Чжан Чжаохэ тоже был коричневым. Вокруг компьютера не наблюдалось ни единой стопки бумаг или папок с личными делами. Поверхность была вытерта до такого блеска, что солнечный свет, падающий из окна, отражался от неё зеркальными бликами.

Ли Жун бывал в кабинетах многих профессоров, включая самых уважаемых учёных «Хунсо», и у всех без исключения столы были завалены справочниками, отчётами и черновиками. При напряжённой работе это было неизбежно.

Ли Жун перевёл взгляд на массивный книжный шкаф.

Там ровными рядами стояли фолианты из списков обязательной литературы. История, гуманитарные науки, естествознание... Громоздкие тома в тысячу страниц каждый, с броскими

названиями и золотым тиснением на корешках. Читать такое практически невозможно — обычно их держат лишь для солидности.

Впрочем, нельзя было исключать, что старик и впрямь обожал подобную литературу.

Единственным достоинством кабинета было огромное окно. Оно выходило на солнечную сторону, так что света в комнате хватало. На подоконнике стояли два горшка со сциндапусом — растения выглядели на удивление крепкими, с сочными стеблями. Любопытно было другое: оба цветка были подрезаны почти идентично и расставлены в идеальной зеркальной симметрии.

Похоже, Чжан Чжаохэ страдал странной формой перфекционизма.

Он содержал своё пространство в стерильной чистоте и даже от растений требовал строгого соответствия геометрическому порядку.

Это в корне противоречило его имиджу бесперспективного лентяя, который просто плывёт по течению и досиживает до пенсии. Человек, столь требовательный к окружающей обстановке, не стал бы игнорировать хаос в своей группе. Если только он изначально не вычеркивал класс и студентов из своего личного пространства.

За маской покладистости, мягкости и безволия скрывались запредельное равнодушие и презрение.

Чжан Чжаохэ положил руки на стол и, подавшись вперёд, приветливо кивнул Ли Жуну:

— Здравствуй. Мы ведь уже виделись.

Ли Жун оторвал взгляд от горшков с цветами и встретился глазами со стариком:

— Да. На похоронах моих родителей.

Сказав это, он, не дожидаясь приглашения, бесцеремонно плюхнулся на диван, вальяжно откинувшись на спинку и положив руку на подлокотник.

Кожа сиденья мгновенно просела под его весом. От безупречной гладкости не осталось и следа. Ли Жун заметил, как пальцы собеседника едва заметно дрогнули, а взгляд метнулся к дивану, чей идеальный баланс был только что безжалостно нарушен.

Ли Жун знал, что старика это заденет, потому и сделал это намеренно.

Но Чжан Чжаохэ не выдал раздражения. Он всё так же добродушно произнёс:

— Твой отец говорил мне, что ты делал большие успехи в учёбе. К тому же ты поступил по рекомендации... Честно говоря, не ожидал увидеть тебя в своей группе.

Ли Жун тяжело вздохнул и слегка нахмурился:

— В Университет А все приходят с отличными баллами. Видимо, я просто недооценил соперников.

Он выглядел искренне расстроенным.

Собеседник несколько секунд молча изучал его.

Внешность Ли Жуна обладала пугающей силой убеждения: утончённая красота, живая мимика, глаза, полные искры и способные передать любую эмоцию, которую пожелает их хозяин. Когда на таком лице проступали горечь, сожаление, невинное недоумение или озорство, это невольно заставляло окружающих терять бдительность.

Старик неосознанно коснулся перьевой ручки на груди, а затем медленно поднялся.

— Будь добр, подожди меня здесь минуту, — ласково сказал он. — Схожу налью горячей воды.

С этими словами он взял свою чашку, подхватил прислонённую к столу трость и твёрдой походкой вышел из кабинета.

Дверь осталась приоткрытой. По гулкому эху коридора было слышно, как шаги Чжан Чжаохэ удаляются.

Ли Жун не собирался сидеть сложа руки.

Едва старик скрылся, он вскочил с дивана. Убедившись, что тот действительно ушёл к бойлерной, он в два шага пересёк комнату и оказался за рабочим столом.

Он хотел было потянуть за ручку ящика, но обнаружил, что самый нижний задвинут не до конца. В узкую щель была видна стопка документов.

Содержание бумаг разобрать не удавалось, но логотип в самом верху листа был виден отчётливо.

Это была золотая конусовидная башня.

Высокая башня из семи уровней, плавно уменьшающихся кверху. Массивное основание, острый пик и навершие с кольцами-сянлунями.

Ли Жун провёл в этом университете четыре года, ещё два отработал в «Хунсо», но никогда прежде не видел этой золотой башни.

<http://bllate.org/book/15351/1440222>